

УДК 111; 141 (043.5)

В. В. ПОПКОВ (кандидат философских наук, профессор кафедры политологии)

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова

vpopkov@inbox.ru

АКТУАЛЬНЫЙ БЕРДЯЕВ

У статті проаналізована концепція персоналістичної революції М. Бердяєва з погляду проблем і потреб сучасної епохи. Вперше у філософській літературі робиться спроба з позиції соціальної практики розкрити сенс бердяєвської концепції «кінця історії».

Бердяєв, кінець історії, екзистенціальна революція

Введение. Бердяев постоянно вызывал живой интерес как оригинальный, независимо мыслящий философ. Он вошел в историю как «интеллектуальный бунтарь», самым решительным образом отстаивавший свободу мысли. С одной стороны он отошел от доктринального марксизма, стал решительным критиком ленинско-большевистского диалектического материализма. С другой стороны он отошел от официального православно-церковного богословия как, по мнению Бердяева, ограничивавшего свободу Духа. В итоге Бердяев пришел к христианству как Религии Духа, в которую он уверовал самоотверженно и пламенно. Он стал воспринимать христианство как религию Духа Святого, религию Свободы в Духе, очищенную от всех накопившихся за столетия социально-исторических наслоений. Однако, признавая интеллектуальную смелость Бердяева, оригинальность его философского мышления многие его современники и преемники относились к его творчеству как к своеобразной духовной экзотике, не дающей сердцу и разуму уснуть в обстановке политических и культурных банальностей XX и XXI века. Но совершенно неожиданно и именно сегодня в первой половине XXI века Бердяев стал чрезвычайно актуальным. Из далекого философского предшественника он превратился в философского современника и даже философского провозвестника. Стал чем-то вроде нового Иоанна Крестителя для нового общества.

Такой резкий поворот в посмертной философской судьбе Бердяева мотивирован новым явлением XXI века – «сетевыми» социальными революциями. Нечто подобное мы наблюдали на Западе в конце 60-х – начале 70-х годов XX столетия. Тогда речь шла о движении так называемых «новых левых». Сегодня мы нечто аналогичное наблюдаем на Севере Африки, Ближнем и Среднем востоке, а также Юго-восточной Азии. Сетевые протесты прокатились по России, став особенно влиятельными и впечатляющими в Москве. Эти революционные волны оказываются нестандартными не только по форме. Они несут в себе новое содержание. Не являясь пролетарскими, крестьянскими или демократическими, они все в большей степени проявляются как **экзистенциальные революции**. То есть истоком революции является не социальный протест, а личностное,

экзистенциальное отторжение действительности как безнравственной, бесчеловечной, чуждой и враждебной духовным устремлениям человека. Как выразился в одном из своих предвыборных интервью «Эху Москвы» Владимир Жириновский: «Надоело 1200 лет жить в дерьме, лжи и подлости». **В этой новой ментальной обстановке первой половины XXI века бердяевская концепция персоналистической революции приобретает новое и свежее звучание.**

Цель исследования как раз и заключается в том, чтобы раскрыть это «новое звучание» Н. Бердяева в контексте глобальных вызовов первой половины XXI века. Особенно интересно изучение бердяевского наследия в контексте новых социальных движений с их специфической мотивацией, философией и идеологией. Сегодня представляется весьма актуальным выяснение того, в какой степени философские интуиции, охватившие Бердяева столетие тому назад совпадают с ментальными ожиданиями современного «поколения протеста».

Степень разработанности проблемы. Подход Бердяева к теме религии и веры, а так же темы духовного переворота, духовной революции в чем-то весьма близок к подходу германского религиозного экзистенциалиста Карла Ясперса, который, как известно, посвятил немало усилий разработке концепции философской веры. Ясперс полагал, что смысл истории заключается в метафизическом диалоге, начавшемся в «осевое время». Сократ и Будда, Христос и Конфуций – равны в незнании. Стоит только допустить, что кто-то «знает», и диалог оборвется. Именно такая предельно свободная и открытая исповедальная глубина коммуникации, основанной на «равенстве в незнании» должна рано или поздно охватить все человечество. Человечество придет к новой объединяющей философской вере, особенность которой состоит в том, что она основана не на откровении, а на опыте, доступном каждому человеку. Предметом философской веры является то, что никогда не может быть познано и остается в качестве вечного вопроса и тайны. Философская вера объединяет людей в «общину верующих в последнюю тайну». В этом Ясперс видит направление «экзистенциальной революции» мира. [6, с. 419].

Однако Николай Бердяев, признавая в целом общую идею «экзистенциальной революции», по-иному видит историческую миссию христианства в этом аспекте. В христианстве, в самой его философии Бердяев видит большие объединительные возможности. В плане признания христианства в качестве «мейнстрима» духовного и социального преобразования всего человечества Бердяеву созвучен известный британский социальный философ Арнольд Тойнби. В одной из своих работ, озаглавленной «Христианство и цивилизация» Тойнби отмечает: «историческое развитие религии в этом мире, начиная с возникновения высших религий с их **высшей ступенью - христианством** может принести и почти наверняка принесет неизмеримо лучшие условия социальной жизни человека здесь, на Земле...». [10, с. 235]

Однако Тойнби рассматривал проблему христианства фрагментарно, Попков В. В., 2012

в контексте своей общей теории цивилизаций. И приведенное в данной статье его существенное замечание не получило своей дальнейшей разработки. Зато у Бердяева мы видим глубокую разработку темы христианства как пути преображения мира.

Обсуждение проблемы. Показательно то, что творческая новизна Бердяева на самом деле является новизной обращения к первохристианскому видению мира. Бердяев фактически приходит к мысли о том, что персоналистической революцией уже была великая христианская революция, начавшаяся еще 2000 лет тому назад. Принцип ее заключался в экзистенциальном неприятии фарисейской действительности, взявшей за основу всевозможные формальные ритуалы, признаки показного благочестия. «Свободный дух дышит, где хочет» - центральный философский тезис Н. Бердяева относится и к теме великой христианской революции. Человек, свободно открывающийся Богу и Бог, свободно открывающийся человеку – вот смысл этой революции.

Бердяев развивает тему персоналистической революции на основе критики современной ему большевистской революции, которую он рассматривал как измену историческому и духовному предназначению человека. Бердяев вообще был противником любой социальной революции. Всякая революция – беда, смута, неудача. Удачных революций не бывает. Ответственность за революцию несут и те, кто ее совершил, и те, кто ее допустил. Успех революции и ее подавление одинаковы по последствиям: упадок хозяйства и одичание нравов. В стихии социальной революции нет места для личности, в ней господствуют начала безличные. Это стихийное бедствие, как эпидемия и пожар. Все социальные революции кончались реакциями. Чем яростнее революция, тем ужаснее реакция. Но реакции не возвращают к старой жизни. Нарождается что-то третье. Иное. [5, с. 243] Отличие осмысленной Бердяевым персоналистической революции от очередной социальной революции заключается в том, что социальная революция всего лишь меняет один принудительный строй на другой, а персоналистическая революция – кончает историю. То есть персоналистическая революция коренным образом меняет все мотивационные механизмы исторического развития. В христианстве это выглядит как Второе пришествие Христа, в марксизме – скачок из царства необходимости в царство свободы, в анархизме – разрушение государства и образование свободной ассоциации людей. У Бердяева подлинная революция означает конец истории через ее развоплощение и перевоплощение. Здесь мы приходим к наиболее таинственной части философского мышления Бердяева. Говоря о конце истории как акте ее развоплощения и перевоплощения Бердяев уходил от детализации этого явления, поскольку любая детализация могла бы профанировать высокий образ этого исторического таинства. Он только обозначал общие контуры.

Видимо, сегодня пришла та самая «полнота времен», которая уже требует детализации, требует перехода к интенсивному теоретическому дискурсу по вопросу о «конце истории». И главной темой такого дискурса

являются два вопроса: а) Что собой представляет содержательная сторона «конца истории»? и б) Что будет потом?

Для ответа на эти вопросы постараемся вычленим для себя основные характеристики бердяевской концепции персоналистической революции.

Во-первых, персоналистическая революция, так как ее воспринимает Н. Бердяев, не идет от социума к личности. Она идет от личности к социуму. Персоналистическая революция рождается в экзистенциальных глубинах личности. Она идет изнутри вовне. Новое внутреннее бытие личности ведет к изменению бытия внешнего. Никакие перемены во внешнем бытии без перемен в бытии внутреннем не могут быть перевоплощением мира. Все, на что способна внутренне неперевоплощенная личность – это всего лишь перекомбинация старого мира, «перестановка мест слагаемых».

Во-вторых, персоналистическая революция, начавшись с внутреннего перевоплощения личности, идет к развоплощению мира. Человек начинает смотреть на мир другими глазами и видеть в нем совершенно иной смысл. Это и есть развоплощение. Развоплощение мира имеет определенную аналогию с мировосприятием ребенка. Ребенок воспринимает мир совсем не так, как его воспринимают взрослые. Он не чувствует в этом мире железной хватки необходимости. Для него этот мир свободен, *развоплощен*, пластичен, полон чудодейственных возможностей, добр и интересен. В нем нет «серых мерзостей» бытия, с которыми свыкаются взрослые.

В-третьих, персоналистическая революция в основе идеи развоплощения видит мироощущение Христа. Оно созвучно детскому мироощущению (вспомним известное восклицание Христа: «Будьте как дети!»), но не тождественно ему. Христианское мироощущение является всеохватным тотальным, всепроникающим. В христианском мировосприятии развоплощение «мира сего» есть освобождение его от лжи и мрака, от ложных смыслов и ложных ориентиров, в которых он погряз в ходе своей истории. Мир до Христа был воплощением неотъемлемых продуктов лжи: отчуждения, власти и насилия. Мир Христа вошел в «мир сей» как воплощение свободы, любви и творчества. Христос развоплотил пребывающий во лжи «мир сей», чтобы перевоплотить его в «мир иной», основанный на истине и свободных практиках взаимной симпатии и взаимопомощи людей. Развоплощение мира есть «снятие» наружного слоя бытия и проникновение к «ядру бытия», к тому самому первоисточнику, в котором живет Бог. Именно исходя от этого ядра, осуществляется перестройка всего внешнего мира, его перевоплощение. Мир сущий, отпавший от Бога, лишившийся своего ядра, своего центра, утратил принципы божественной гармонии и стал руководствоваться безбожными принципами лжи, отчуждения, насилия. Бердяев критически отзывается даже об историческом христианстве, о формальной церковной иерархии как тех, которые отошли от первоначального христианского замысла. Поэтому развоплощение – не просто новый взгляд на мир. Развоплощение есть в сущности своей возвращение к первохристианскому истинному и свободному видению мира, видению «корней зла» этого мира и

возможностей его преображения «по законам Неба».

Ключ к пониманию христианства как принципиально нового способа межличностной коммуникации, идущей не от «объективной реальности» к субъекту, а от субъекта к субъекту, и в конечном итоге – преображению «объективной реальности» дает А. Тойнби. Ученый подчеркивает: «христианин – член совсем другого общества, нежели спартанское или левиафановское. Он – гражданин Царства Божиего, и поэтому его главная цель – достичь наивысшего единения с Богом и подобия Ему; его отношения с ближними – результат, непосредственное следствие его отношений с Богом, его способ полюбить ближнего как самого себя, состоит в том, чтобы помочь ближнему достичь того, к чему стремится он сам, то есть приблизиться к Богу и стать подобным Ему.» [10, с. 231]

В-четвертых, перевоплощение по логике Бердяева есть переход от развоплощения (освобождения от старого «образа мира», отчужденного от Бога) к новому «образу мира», который заново организует «мир сей» на принципах первохристианской истины и свободы. В евангелической традиции перевоплощение воспринимается как Конец мира и Страшный суд. «Миру сему», погрязшему во лжи приходит конец. Через жесткие фильтры неподкупного Страшного Суда, через его «игольное ушко» в новый мир попадут лишь те, кто душой и сердцем устремляется в этот новый мир, те самые «алчущие духом», которые и войдут в «царство небесное». В бердяевском мировосприятии перевоплощение мира означает деятельное участие людей в выстраивании друг с другом новых отношений: в соответствии с тем образом вызревшего в них развоплощенного «внутреннего мира», который по всем своим признакам - «не от мира сего», мира, который выстраивается свободно и непринужденно – по истине и по совести. Это и становится главным водоразделом, главным критерием Страшного суда, отделяющего «чистых» от «нечистых».

В-пятых, если отойти от высокого стиля Евангелия и высокого стиля бердяевской «Философии свободы», для нынешних современников-рационалистов вполне уместным будет вопрос: Какой будет экономика перевоплощенного мира, и будет ли она? Каким будет государство перевоплощенного мира, и будет ли оно? Каким будет воспитание и социализация подрастающих поколений в условиях перевоплощенного мира и будет ли оно? Какими будут взаимоотношения людей в обстановке перевоплощенного мира? Как можно будет избежать антагонизма в этих отношениях? Можно ли будет избежать преступности и войн в перевоплощенном мире? Для ответа на эти вопросы следует напомнить, что процедура развоплощения и перевоплощения мира неоднократно продумывалась и до Бердяева. В частности можно говорить о процедуре развоплощения мира в трудах Маркса. Развоплощенный Марксом мир уже не игра стихийных исторических сил, как это представляли его современники, а железный порядок смены общественно-экономических формаций с завершающей ступенью – коммунистическим обществом. В соответствии с таким марксовым развоплощением осуществилось и

Актуальный Бердяев

перевоплощение этого мира. Через «страшный суд» революции, гражданской войны, «чисток» НКВД и «фильтров» ГУЛАГа был отфильтрован и приступил к «строительству коммунизма» новый народ, резко отличающийся от того народа, который жил до революции. Показательным было и мироощущение «нового общества»: «старый мир» был разрушен до основания, а воодушевленные «строители коммунизма» занялись перевоплощением старого общества в «новый мир». Однако мы вправе задать себе вопрос: не будет ли персоналистическая революция с ее специфическими практиками развоплощения и перевоплощения всего лишь еще одной попыткой «повторения пройденного».

Для ответа на этот вопрос необходимо ответить еще на один вопрос: на чем основывался Бердяев, когда разрабатывал концепцию персоналистической революции? И здесь мы видим, что Бердяев основывался на философии и практиках эсхатологического христианства, но никак ни христианства исторического. Бердяеву близок эсхатологический Христос, который начал свое развоплощения мира, уйдя из Назарета. Христос принимает крещение в Иордане как знак того, что «прах старого мира» омыт и положено начало «мира иного». Недаром Иоанн Креститель увидел в Христе начало неизмеримо более высокое, чем сам иорданский проповедник. Иоанн Креститель призывал к исправлению нравов, в то время как Христос нес в себе **новый мир**. Знаменитые 40 дней, проведенные Христом в пустыне и были временем полного и окончательного развоплощения и перевоплощения. Христос приобрел новое видение Бога, Себя в Боге, Своего предназначения в мире, и самого мира, которые его окружают. Из пустыни Христос возвращался, уже неся в себе всю полноту христианства как перевоплощенного **внутреннего мира**, которое в последующие столетия неузнаваемо изменит **внешний мир**.

Перевоплощенный мир был, прежде всего, новым типом отношений между людьми, отношений «естественно равноправных», свободных от противопоставления и неравенства по любому признаку (национальному, социальному, половому, возрастному). Вспомним христианский тезис: «нет для меня ни эллина, ни иудея». Перевоплощенный мир нес в себе и новую форму социальности. Основой общественного порядка становилось не государство, построенное на власти, подчинении и подавлении а община, построенная на любви, сочувствии, сострадании и взаимопомощи.

Как известно, судьба первохристианских общин была печальной. Через некоторое время в них начался процесс дифференциации, стали складываться иерархии. Структура управления ими становилась все более автократической. Казалось, что перевоплощение старого мира в новый мир остановилось и повернулось вспять. Казалось, что входящий в силу новый мир сокрушили порядки старого мира, «мира Кесаря». Отчасти это было верно, но в той лишь части, что мир, объективно нуждавшийся в преображении субъективно не был готов к нему. Слишком примитивным был технологический уровень мира, который не позволял людям «быть как птицы» и слишком тело мира эпохи рабовладения и грубой силы был

отравлено ядами власти насилия и господства.

Но отчасти это было и неверно. Старый мир получил роковую прививку нового мира. Начался глубокий мутагенный процесс, проникающий во все клетки старого мира – в его социальную жизнь, политику, культуру, совесть. Трудно себе представить каким бы был мир XXI века если бы все его такни не пропитало христианство. Скорее всего, он давно бы исчез. Современный мир резко отличается от мира двухтысячелетней давности. Это мир высоких технологий, высоких скоростей и глобального Интернета. В культуру этого мира глубоко вошли представления о демократии, сострадательности, социальном равенстве и правах личности. В этих идеях присутствуют нравственные императивы раннехристианских общин, претерпевшие двухтысячелетние испытания кровавой и драматичной истории. В сознание этого мира все более глубоко вошло ощущение противоречия, сформулированного Мартином Хайдеггером: стремление к охвату *существующего* за счет утраты *существенного* [9, с. 755]. Сегодня спустя многие столетия приходит новая «полнота времен», новая потребность в фундаментальном **изменении всего**. Не в частичных реформах, не в локальных революциях, а именно в фундаментальном и тотальном **изменении всего**.

Ответом на этот глобальный вызов и эту глобальную потребность может быть бердяевская концепция персоналистической революции, которая взяла за основу эсхатологическую христианскую этику. По Бердяеву, «парадокс эсхатологического сознания в том, что конец не только отодвинут на неопределенное время в будущее, но и близок каждому мгновению жизни. Эсхатология есть внутри процесса жизни» [3, с. 310].

Человечество должно пройти свой Иордан, осуществить свое омовение от праха старого мира, свое уединение в пустыне, свое сотворение внутреннего мира, который «не от мира сего», с тем чтобы развоплотить мир сей и перевоплотить его в «мир небесный». Это будет означать, что «земля этого мира» с ее промышленностью, экономикой, производством, выгодой, рентабельностью будет подчинена «небу этого мира» с его свободой, нравственностью, сочувствием, участием и взаимопомощью.

Есть определенные признаки того, что «процесс уже пошел». Волна не просто народных а совокупно-личностных процессов прокатилась по всему миру от стран Магриба и Ближнего востока до стен американского Капитолия и проспекта Сахарова в Москве. Ощущение экзистенциальной несовместимости личности с миром, который ее окружает превратилось в глобальную проблему современности. И эту проблему не способны решить ни традиционные политики, ни политтехнологи, ни конспирологические собрания олигархов. Обсуждение этой проблемы перекочевало в Интернет, палаточные городки «протестантов», на дискуссионные «круглые столы» интеллектуалов. Примечательно, что на многотысячных митингах в Москве лидерами стали писатели и телевизионные публицисты.

Видимо процесс «развоплощения и перевоплощения» начавшись с традиционных требований демократизации, гласности, прозрачности власти,

на этом он вряд ли остановится. Личность растет и изменяется по мере разрешения ею всего богатства проблем и противоречий окружающего мира. Через трансформацию мира трансформируется и развивается личность. В активном процессе трансформации мира личностный потенциал будет только нарастать. Мир технологически и коммуникативно готов к глобальной трансформации. Главное, чтобы и личность выросла до таких масштабов. На эту проблему еще в начале прошлого века указывал актуальный Бердяев.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. / Н. Бердяев – М. Наука, 1990. – 222с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России / Н. Бердяев – М., 1997. – 542 с.
3. Бердяев Н.А. О назначении человека. / Н. Бердяев – Париж, 1931 г., 427 с.
4. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии./ Н. Бердяев – М.: Мысль, 1991 – 320 с.
5. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М.: Эксмо, 2003. – 448 с.
6. История философии/ под ред. В.П. Кохановского, В.П. Яковлева. Изд 6-е – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 731 с.
7. Моисеев Н. Как далеко до завтрашнего дня... 1917-1993. Свободные размышления. / Н. Моисеев – М.: «Аспект пресс», 1994 – 304с.
8. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире./ А. Панарин – М., 2002. – 496 с.
9. Скрибекк Гуннар, Нильс Гилье. История философии. / Г. Скрибекк, Н. Гилье – М.: Владос, 2001, - 800 с.
10. См. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад/ Арнолд Дж. Тойнби. – М.: АСТ, 2011. – 318 с.

Стаття надійшла 31.01.2012

В.В. ПОПКОВ

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова

АКТУАЛЬНЫЙ БЕРДЯЕВ

В статье проанализирована концепция персоналистической революции Н. Бердяева с точки зрения проблем и потребностей современной эпохи. Впервые в философской литературе делается попытка с позиции социальной практики раскрыть смысл бердяевской концепции «конца истории».

Бердяев, конец истории, экзистенциальная революция.

V. POPKOV

Odessa National University of I.I. Mechnikov

ACTUAL BERDYAEV

In the article had analyzed the concept of the “personalist revolution” by N. Berdyaev in context of problems and needs of the modern time. For the first time in philosophical literature is making attempt to discover the sense of Berdyaev’s concept of the “end of the history” through the social practice.

Berdyaev, the end of the history, the existential revolution.